

22. И снова Джордж и Бонни

Он сразу же заметил вертолет. Тот, однако же, преследовал не его. Пока. В полумиле к востоку, кружа над чем-то интересным на земле, он нацелил свои антенны-щупальца на Бонни Абцуг.

Он заполз на вершину песчаной дюны и посмотрел. Бонни бежала в сторону расселины в скале, которая вела, как туннель, в более глубокое ущелье позади, а оттуда в каньон Каибито. Он понял ее план побега.

Вертолет приземлился в пятидесяти ярдах от ущелья на ближайшей ровной площадке. Двигатель остановился. Двое мужчин выскочили из стеклянной кабины и побежали за Бонни. У одного в руках был карабин.

Но Бонни — что за молодец! Она скрылась из глаз в ущелье и бежала несомненно в сторону каньона. Один из мужчин полез вниз в ущелье. Другой, с карабином, бежал по краю, пытаясь увидеть ее. Хейдьюк видел, как он споткнулся и упал лицом вниз, и некоторое время лежал, оглушенный. Потом он медленно поднялся, поднял оружие и побежал снова. Через несколько минут он скрылся из виду.

Пустой вертолет ждал их, его большой винт вращался все медленнее.

Хейдьюк вытащил револьвер, открыл барабан и вставил шестой патрон, который он для безопасности держал в штанах. Оставив пилу и кусачки под можжевельником, он забрался на дюну, спустился в три прыжка и побежал к вертолету.

Он услышал крик одного из пилотов, с расстояния, вне видимости. Он бежал прямо к цели. Когда через пять минут он достиг цели, первое, что он сделал, это вставил дуло револьвера в панель передатчика. Он уже нажимал на спуск, но в последний момент выбрал менее шумный способ, огнетушитель, которым он разбил вдребезги радиопередатчик. Возможно все это зря, ведь еще один вертолет возможно уже в пути.

Какой выбор у него был? Надо было как-то увести Бонни от этого всего. Хейдьюк оглянулся по сторонам в поисках убежища. Под руками ничего не было. Понятно, что не в вертолете и не за ним, эта машина была практически без фюзеляжа, просто стеклянный скелет на стальных салазках. Были обычные заросли можжевельника, но можжевельник, скрывающий от наблюдения с воздуха, не спасает на земле с близкого расстояния. Листва была жидкой, багажное отделение маленькое, ветки тонкие. Трудно устроить засаду без густых кустов. Не имея большого выбора, он спустился в ту же расщелину, что и Бонни, ползя под обрывом,

маскируясь за деревьями, и выжидая.

Вокруг была пыль, паутина, солянка, вызывающая аллергию, маячила перед его лицом. Под его животом землю покрывали веточки можжевельника и побеги кактусов, вперемежку с экскрементами. С нетерпением ожидая, с тошнотой от страха и вспотевшими ладонями, Хейдьюк увидел пару муравьев, карабкавшихся на барабан его револьвера. Откуда они взялись? Прежде, чем он успел их стряхнуть, они скрылись в стволе. Вот где можно спрятаться. Что они найдут в этом туннеле с нарезками и глухим тупиком в конце?

Хейдьюк вытер вспотевшие ладони о рубашку, по одной, держа револьвер в другой. Он прочистил горло, как будто собирался что-то сказать, плотнее сжал оружие в руке, это придало ему уверенности.

Голоса приближались. Он повернул носовой платок, который был на шее и подтянул его к глазам. Что обычно любил говорить Док? К вопросу: зачем нужна дикая местность? Док сказал бы: потому, что мы любим дух свободы, товарищи. Потому, что мы любим запах опасности. Однако, думал Хейдьюк, как насчет запаха страха, а, Док? В маске, как преступник с большой дороги, он был полон ужаса, он ожидал того, что должно было произойти.

Вот и они.

Трое шли все вместе, по узкому ущелью. С расстояния в пятьдесят футов он чувствовал запах их пота, ощущал их усталость. Первым шел пилот вертолета, краснолицый парень с усами, одетый в армейскую полевую форму, кепку с длинным козырьком, высокие сапоги, пистолет в плечевой кобуре под левой рукой.

Позади шел мужчина с карабином через плечо. Он был одет в форму охранника агентства Бернс: плотная рубашка со значком, повязка на плече, ковбойская шляпа, плотные брюки, ковбойские ботинки на высоких каблуках с острыми носками, не особенно подходящие, для походов по пустыне. Этот человек выглядел старше, больше, был более загорелым, чем летчик, и более уставшим. Он прихрамывал. Оба истекали потом, Бонни заставила их хорошо побегать.

Посередине шла пленница, не очень гордо, выглядевшая сердитой, напуганной и красивой. Шляпу она обронила, волосы скрывали пол-лица, руки были в наручниках.

Хейдьюк имел смутное представление о том, что делать дальше. Стрелять? Стрелять, убивая, или чтобы ранить? С этой пушкой, что у него, легко ранить трудно, любое попадание может быть серьезным. Док, Смит и Бонни вряд ли это одобряют. Тогда что? Они у него на мушке, у него преимущество. Остановить их сразу, или подождать, пока они не станут карабкаться по скользкому песчанику?

Троица приближалась. Пилот нахмурился.

— Все в порядке, детка, — сказал он, глядя вверх на выход из ущелья, — не говори ему ничего. Имя, звание и размеры, больше ничего.

Охранник сказал:

— Мне плевать какое у нее имя, но она обязана показать мне доказательство своего пола. Я думаю, что знаю свои конституционные права, а, малышка? — он пнул ее в зад двумя жесткими большими пальцами.

Бонни дернулась в сторону.

— Не распускай руки.

Охранник споткнувшись ушиб искалеченную ногу.

— О, черт! — простонал он.

Летчик остановился, оглянулся.

— Отстань от нее. Отвали.

Охранник сел на землю, массируя колено.

— О Господи, как больно. У тебя есть бинт в аптечке?

— Может да, может нет. Оставь девчонку в покое, — пилот оглянулся и посмотрел в сторону тени на краю обрыва где лежал Хейдьюк, в двадцати футах, в сторону сухого русла и на круглый холм из песчаника над головой.

— Ты не оттуда спускалась? — Скала была гладкой, удобной для спуска, но совсем не для подъема, она возвышалась на двенадцать футов от этой точки. — Что скажешь? — спросил он у Бонни.

— Я не знаю, — она потупилась.

— Мне кажется, это так. Я не вижу другого пути, если только мы не пойдем прямо назад, откуда великий любовник, — он показал пальцем на охранника, — пришел сюда.

Фальшивая улыбка появилась на лице парня из Бернс.

Летчик сделал попытку. Скала поднималась под углом около 30 градусов. Для пальцев и носков обуви были небольшие впадины. Его ботинки на кожаной подошве были не вполне удобны, но он был шустрым. Перемещаясь на всех четырех, он пролез полпути, когда вдруг он, и все внизу, услышали щелканье взводимого курка револьвера.

Держась на носках и пальцах, пилот оглянулся вниз. Охранник, удивленный, потянулся за карабином. Хейдьюк выстрелил поверх его головы, пуля задела верх шляпы охранника. Два муравья отправились в полет по баллистической траектории в голубую даль.

Выстрел ввел всех, включая Хейдьюка, в состояние ступора. Грохот 357 калибра был ему знаком. Эха не было. В воздухе с влажностью один процент звук летит со скоростью пули. Удар молота по наковальне — и тишина.

Никто не двигался, все смотрели в тень под обрывом.

Хейдьюк попытался подумать что делать дальше. Пилот, балансирующий на скале, был пока не опасен. Оставался мужик с карабином.

— Бонни, — прошептал он. Звук был как от падающего сухого листа. Он прочистил горло. — Бонни, забери карабин.

Бонни уставилась в сторону голоса.

— Карабин? — сказала она. — Карабин?

Охранник был настороже. Его рука тихонько поползла к оружию. Хейдьюк взвел курок револьвера, с серьезным видом. Рука остановилась.

— Возьми у парня оружие, — сказал Хейдьюк. Он посмотрел на застывшего летчика. Два внимательных голубых глаза смотрели на него сквозь ветки в тени. Бонни подошла к охраннику и потянулась руками в наручниках к карабину. Его руки, лежащие на земле, нервно перебирали пальцами.

— Не становись между им и мной.

— Хорошо, — двигаясь за охранником она наступила на руку.

— Ой!

— Простите, — она сняла оружие с его плеча и отошла. Охранник нахмурился, глядя на отпечаток протектора ботинка на своей руке.

Хейдьюк вылез из-под карниза, встал на колени и навел револьвер в пах летчику.

. — Так, теперь с тобой. Расстегни кобуру.

— Я не могу отпустить руку, я съеду вниз.

— Тогда съезжай.

— Ладно, хорошо. Одну минутку, — пилот поднял одну руку и стал возиться с пряжкой. — Парень, — выдохнул он, мышцы его дрожали от напряжения.

Кобура, ремень и оружие покатались вниз со скалы. Хейдьюк встал, слегка дрожа, вынул пистолет из кобуры и заткнул себе за пояс.

— Бон... Гертруда, стань за мной, — он подождал. Она подошла. — Так, а теперь спускайтесь, — он навел револьвер на пилота. Пилот поехал вниз. Двое мужчин смотрели на Хейдьюка. Что дальше? — Я думаю, я вас обоих убью, — сказал он.

— Минутку, дружище, — начал пилот.

— Он шутит, — сказала Бонни. Она выглядела более напуганной, чем мужчины.

— Черт возьми, я не знаю, почему я не должен это сделать, — сказал Хейдьюк. Опьянение абсолютной властью, властью казнить или миловать, нашло на него. Несмотря на год в Монтаньярде, прошлое «зеленого берет» в отряде особого назначения, он никогда не убивал. Даже во Вьетнаме. Ни женщину, ни ребенка. По крайней мере, насколько он знал.

Ужас и жестокость этих лет бурлили внутри него, как болотный газ в трясине, как метан, на поверхности его сознания. Рядом был вертолетчик, презираемый больше всех, настоящий живой вертолетчик, возможно из Вьетнама, к его счастью. Возраст подходящий, он выглядел как врач. Почему не убить этого гада? Хейдьюк как и многие мужчины хотел записать одно очко в актив своего оружия. Еще он хотел трагического конца. На совести кого-то другого.

Мог бы он и избежать этого. А мог бы стать законным убийцей.

— Почему бы мне не уюкошить ублюдка? — повторил он громко.

— Ты этого не сделаешь, — сказала его любимая, повисая на его правой руке.

Он сбросил ее руки. Переложив револьвер в левую руку, но все еще держа его нацеленным на летчика.

— Сядь позади своего приятеля. Так, хорошо. Просто сидите на скале, — он забрал карабин у Бонни и проверил его. Патрон в патроннике, курок взведен. Он положил револьвер в кобуру, взял карабин, нацелил его на двух еще живых парней, сидящих внизу и дышащих воздухом, под веселым солнцем на великом американском Юго — Западе. Птичка запела кому-то в долину, и жизнь выглядела прекрасной. Отличный день, чтобы умереть, несомненно, но все, что было вокруг, желало отложить до завтра то что, они не должны были сделать сегодня.

— Как насчет... — начала Бонни.

— Почему, черт возьми, я не должен! — Хейдьюк вспотел, карабин дрожал в его руках.

— Не сходи с ума, — сказала она, — они не причинили мне вреда. Сними с меня эти штуки.

Он посмотрел на наручники. Два браслета из черного пластика, соединенных такой же лентой.

— Где ключи? — он повернул лицо в маске, с горящими красными глазами, горящими в тени козырька кепки, к охраннику. — Где ключ? — проревел он.

— Ключей нет, — пробормотал он, — нужно просто перерезать их.

— Не ври, скотина.

— Нет, он прав! — Бонни снова повисла у него на руке, — они одноразовые. Дай мне нож.

— Не видишь, я занят.

— Пожалуйста, дай мне нож.

Двое смотрели на него. Пилот, кусая ус, улыбался нервной улыбкой, его голубые глаза сверкали. Красивый парень, как с военного плаката. У него вероятно осталась мать и сестренка в Гомер Сити, штат Пенсильвания. Не важно, что он был убийца, в воспаленном воображении Хейдьюка, поджигатель домов, растлитель малолетних.

— Ладно, Леопольд, — сказал Хейдьюк, слегка смутившись, — и ты, парень, вы оба ложитесь на землю. Лицом вниз. Руки за голову, так, хорошо. Так и лежите, не двигаясь, — Хейдьюк засунул карабин между ног, вынул нож и перерезал оковы. — Пошли отсюда, — прошептал он, — быстро. Пока я никого не убил.

— Дай мне ружье.

— Нет.

— Дай сюда.

— Нет. Вылезай сюда, я дам здесь.

Бонни сняла наручники.

— Все в порядке, — она поднесла губы к грязному уху Хейдьюка, укусила мочку, прошептала, — я люблю тебя, сумасшедший придурок.

— Пошли.

Она легко вскарабкалась на склон, ее подошвы хорошо цеплялись за поверхность, как лапы ящерицы.

Хейдьюк дал ей карабин.

— Держи их на прицеле, — он взял револьвер, взвел курок. — Все, ребята, переворачивайтесь. Так, теперь снимите ботинки. Хорошо. Теперь бросьте их... э-э... Тельме. — Они послушались. — Так, хорошо.

Двое мужчин ждали, глядя на него, с полным вниманием. Как и следовало ожидать от человека, который смотрит в черное дуло «магнума-357», танцующего в неверной руке лунатика.

Сейчас их убить? Или потом?

— Снимите штаны.

Эта команда вызвала протесты. Охранник со слабой улыбкой сказал:

— Здесь же леди.

Хейдьюк поднял револьвер и выстрелил в двух футах от него, отбив кусок камня от стены. Воздух всколыхнулся. Невидимая пуля, смертоносный свинцовый астероид, срикошетил от скалы и полетел вниз в ущелье. Каскад брызг камня посыпался на шляпу охранника и попал ему за шиворот.

Хейдьюк перезарядил.

Довод показался им убедительным, оба без разговоров сняли штаны, торопливо и не очень грациозно. Пилот носил под брюками красные шикарно отделанные трусы, которые он возможно с удовольствием открыл на обозрение Бонни, которая смотрела с высоты. Охранник был более консервативен, возможно республиканец, носил традиционные среднеамериканские трусы, в пятнах от мочи. Он имел право протестовать.

— Хорошо, — сказал Хейдьюк, — теперь выньте ваши кошельки, или что там у вас, — бросьте штаны наверх.

Они послушались, хотя охраннику пришлось дважды бросать штаны, пока они достигли вершины.

— Теперь снова ложитесь на живот, руки за голову. Хорошо. Оставайтесь так лежать или я вас, болванов, отправлю к праотцам! — крикнул он, пряча оружие в кобуру и карабкаясь по склону.

Наверху они наспех посоветовались, затем Хейдьюк побежал к вертолету вместе со штанами и ботинками. Бонни осталась на месте, с карабином охранять узников. Солнце двигаясь на восток было в дюйме от горизонта.

Хейдьюк в вертолете запихнул в кабину шмотки. Он посмотрел на раскуроченное радио и пожалел об этом. Неплохо было бы знать, кто и что летает здесь поблизости. Он поразмышлял над органами управления машиной, но потом решил, что нет времени. Надо идти назад, забрать пилота, заставить его... Нет! Нет времени, надо отсюда убираться, и побыстрее.

Он вытащил пистолет пилота из-за ремня и выстрелил по панели управления. Панель превратилась в кашу. Он повернулся к головке винта и выстрелил по двигателю, по

лопастям, по поворотным элементам, по подшипникам. Три или четыре пули прошли мимо, он не хотел больше тратить боезапас. Последние пули он выпустил по топливному баку над двигателем, высокооктановый бензин полился вниз.

Он нашел летные карты в кабине, смял их, поджег спичкой и бросил горящий шар на песок за мотором и тут же отбежал от машины. Шар вспыхнул, загорелся и пламя перешло на топливо.

Хейдьюк забросил пистолет летчика в огонь и быстро вернулся обратно, пока пламя не добралось до баков. Взрыв сотряс воздух, начался пожар, яркое пламя полыхало в закатном солнце, после паузы оно достигло апогея и скрылось в вертолете, облизывая всю машину от кабины до хвостового винта языками тягучего, живого, энергичного огня.

Так, подумал Хейдьюк, удовлетворившись в конце концов, хоть одного замочил. Черт, черт, черт! Полный благосклонности он повернулся к Бонни.

— Пошли.

— Что с этими делать будем?

— Убей их, или расцелуй, мне-то что? — заорал он. — Пойдем.

Бонни посмотрела на Хейдьюка, затем вниз на пленников. Она колебалась.

— Вот твое ружье, — сказала она, бросив его в сумерки ущелья. Ручная винтовка армейского образца, грубо упала на скалы и поломалась. — Прости. Нам надо идти. Ты можешь...

— Пошли! — рявкнул Хейдьюк, взмахнув рукой.

— Ты можешь согреться на костре, когда мы уйдем, — она побежала за любимым. Бок о бок они бежали мимо оплавливающегося вертолета в тень можжевельников.

— Где карабин?

— Я отдала его им.

— Что!?

— Это же их ружье.

— Ради Бога, — Хейдьюк приостановился, чтобы оглянуться. Никто не появлялся из темноты. Бонни тоже остановилась. — Беги, я догоню, — он вынул револьвер и выстрелил вверх кромки ущелья, чтобы там внизу поняли как себя вести. Ответа не последовало. Они побежали. Солнце зашло.

— Как насчет отпечатков пальцев? — спросил он, переводя дух.

— Каких... отпечатков?

— На карабине.

— Они не смогут... ими воспользоваться.

— Почему нет? Они могут... найти кого угодно... ради Бога...

— Только не меня. — Бонни бежала, волосы ее развевались, дыхание было тяжелым, но ровным, — у меня не брали отпечатки пальцев.

Хейдьюк был впечатлен. Черт меня возьми, подумал он.

— Ни разу в жизни?

— Ни разу в жизни.

Все складывалось хорошо. Солнце зашло, сумерки перешли в вечер. На пурпурном небе появились точки звезд. Никаких летающих объектов не было. Хейдьюк раскопал кусачки для проволоки и бензопилу (собственность г — на Сарвиса). Они прошли всю ночь до джипа, который они нашли после нескольких кругов под вьетнамской маскировочной сеткой, в полной сохранности.

Когда они свернули сетку, они услышали ненужные сирены, увидели слишком много красных огней полицейского фургона из Навахо, он ехал по хайвэю в сторону горящего вертолета. Стоя на капоте джипа пока Хейдьюк упаковывал вещи, Бонни увидела, как полицейский фургон остановился, повернул и поехал сквозь проволочный забор к пожару через дюны. Пикап проехал несколько сот ярдов, пока не засел в песке. Она видела, даже при тусклом свете звезд, как он все глубже увязал пока человек за рулем (офицер Нокаи Бегай) продолжал упрямо гонять мотор пока его помощник (офицер Алвин Т. Пешлакай) стоял снаружи, размахивая фонариком и выкрикивая инструкции. Колеса вращались, мотор ревел, глотки кричали, пока Хейдьюк тихо вывел свою машину хайвэй.

Хайвэй вероятно полон les flics? Очень может быть. Хейдьюк не включал фары и когда первые фары встречной машины появились на пути он съехал на полосу для грузовиков и остановился. Машина проехала, за ней другая.

Он вернулся на хайвэй и проехал еще десять миль с потушенными фарами. Опасно? Возможно. Но не невозможно. Хейдьюк не считал трудным ехать. Бонни Абцуг кусала кулаки и приставала с дурацкими советами вроде:

— Ради всего святого, включи фары. Ты хочешь нас поубивать?

Единственное, что его беспокоило, были лошади: ночью их трудно увидеть даже с фарами.

Они выехали на грунтовую дорогу, ведущую к северо-востоку в Шонто и Бетатакин. Хейдьюк повернул и отъехав от трассы включил фары. Они хорошо провели время,

остановившись в одиноком пустынном месте между двумя голыми, сухими можжевельниками, распаковали вещи, упакованные в тяжелые полотняные мешки, которые Банда спрятала здесь после операции с железнодорожным мостом. Это была идея Хейдьюка — он хотел спрятать динамит в мешках по, как он говорил, «санитарным причинам» для дальнейшего использования. Абцуг утилизировала пустые коробки, это была ее идея.

Когда Хейдьюк загрузил два мешка назад она снова стала ныть:

— Я не собираюсь ехать в этой самой машине с этим всем! — но в ответ прозвучало:

— Тогда иди пешком! — она притихла. Они поехали. Топливо заканчивалось. Хейдьюк остановился возле знакомого кемпинга Парк Сервис в Бетакине. Он пошарил под сиденьем и нашел свою кредитную карту из Оклахомы, кусок неопренового шланга, «мой маленький воровской шланг», как он его называл, и исчез в темноте с сифоном и двумя канистрами.

Бонни ждала, повторяя снова нудные вопросы по поводу ее здравого рассудка. Нет вопросов по этому поводу к ее товарищу, или этому многоженцу, джек-мормону, речному гиду, или бедному сумасшедшему Доку. Но что я-то делаю здесь? Я, чудесная еврейская девушка, со степенью магистра по французской литературе (sic!). С мамой, которая волнуется обо мне и отцом, зарабатывающим 40 000 в год. Сорок тысяч чего? Женских корсетов, чего же еще. Я, Абцуг. Нормальный, здравомыслящий человек. Бегающий вокруг этих сумасшедших *gouim* в центре Аравии. Мы никогда от этого не избавимся. У них есть свои правила.

Хейдьюк вернулся, бросил назад две полные канистры. Снова пошарил под передними сиденьями — он нашел лейку и залил десять галлонов в бак, затем снова пошел с пустыми канистрами.

— Куда ты?

— Залить запасную канистру.

О, Боже. Ушел. Она ждала, проклиная себя, то засыпая, то просыпаясь от страха.

Разбудил ее звук и запах льющегося бензина. Они снова двинулись в путь, в ночь, как любил Хейдьюк, заправленные и сильные. С новыми номерными знаками.

— Сегодня мы из Южной Дакоты, — сказал он.

Бонни застонала.

— Расслабься, — сказал он, — мы скоро проедем реку. Мы уезжаем из этого переразвитого гиперцивилизованного дьявольского индейского края. Возвращаемся к каньонам, где живут люди, похожие на нас. Они не найдут нас и через миллион лет.

— Надо позвонить Доку, — пробормотала она.

— Позвоним. Как только приедем в Кайенту. Остановимся в «Холидей Инн», закажем кофе и тортик.

Это ее на короткое время успокоило. Яркие огни, пластиковые столы, центральное отопление, нормальные американцы, платящие налоги, с бритвами! с прическами! поедающие нью-йоркские стейки с гарниром из овощей, салат, теплые рогалики в салфетке, вино в маленьких бутылках — как все это напоминало дом, нормальную жизнь, надежду.

Дорога прошла мимо туннеля железной дороги Блек Меса — Лейк Пауэлл. Хейдьюк остановился.

— Что?

— Это займет всего минуту.

— Нет! — закричала она, — нет. Я устала, я хочу есть и тут везде полно полиции, я боюсь.

— Всего минуту, — он исчез.

Она закрыла лицо руками и поплакала немного, затем отключилась. Во сне она слышала щелчки кусачек, злое рычание чего-то, похожего на тигра в джунглях ночью, погружающего зубы в беспомощную плоть. Она проснулась от звука аварии, резкого звона падающих проводов.

Хейдьюк вернулся, тяжело дыша, сдерживая болезненное удовлетворение. Он прыгнул на место, выжал сцепление и рванул вперед, повернул налево на хайвэй и поехал на север в сторону Кайенты, Монумент Вэллей, Мексикан Хат, бескрайние каньоны Юты — там было спасение.

Проезжая мимо развязки Блек Меса, среди машин туристов, пикапов навахо, и полицейских автомобилей они увидели огни пылающего склада. Автономный источник энергии горел. Угольный конвейер, проходящий в сорока футах над дорогой также двигался. Замедлив джип, Хейдьюк внимательно посмотрел на этот критический момент для электростанции.

— Не останавливайся, — сказала она.

— Да, конечно, — сказал он.

Но через милю ему пришлось остановиться. Он съехал на боковую дорогу, выключил фары и заглушил мотор. Он посмотрел на бледное лицо Бонни в темноте.

— Ну, в чем дело? — спросила она, проснувшись.

— Я должен.

— Должен что?

— Отлить.

— И все?

— И еще закончить дело.

— Так я и думала. Я знала. Слушай, Джордж Хейдьюк, ты этого не сделаешь.

— Надо завершить начатое.

— Ладно, я не пойду с тобой. Я устала. Мне надо отдохнуть. С меня довольно взрывов, пожаров, стрельбы и крушений. Я сыта всем этим по горло, меня уже тошнит. Просто тошнит.

— Я знаю.

Он взял свой рюкзак, наполнил его едой, водой, инструментами и дал девушке инструкции. Она поедет дальше и будет ждать его в «Холидей Инн» в Кайенте, кто может придумать место безопаснее? Сколько у нее денег? Сорок долларов. Она может воспользоваться карточкой отца, Галф Ойл, там ее примут. Открыть кредит и вызвать доверие. Не обращать внимание на риск. Уже слишком поздно. Принять горячую ванну. Позвонить Доку и Смигу, условиться о встрече в заброшенной шахте Хидден Сплендор, в Дир Флет возле Вуденшу Батте. Если он, Хейдьюк, не вернется в Кайенту послезавтра к вечеру, она должна оставить джип там и ехать в Хидден Сплендор с Доком и Редким. Напомнить Доку чтобы не забыл магний. Это очень важно. Что еще? Он вынул один из мешков из джипа, бензопилу, точило и канистру.

— Желаю, чтобы у тебя все получилось, — сказала она, — тебе тоже надо отдохнуть.

— Не беспокойся, я буду под деревом послезавтра и буду спать весь день.

— Ты не ел человеческой пищи с полудня.

— У меня достаточно солонины в рюкзаке, чтобы протянуть неделю. Кроме того у нас здесь тайник. Все, уезжай.

— Скажи мне, что ты хочешь сделать?

— Тебе не нужно это знать. Ты прочтешь обо всем в газетах.

Она вздохнула.

— Поцелуй меня.

Он нетерпеливо поцеловал ее.

— Ты любишь меня? — спросила она. Он ответил, что да.

— Сильно?

— Убирайся отсюда, твою мать! — зарычал он.

— Хорошо, хорошо, не надо кричать.

Сидя за рулем она завела мотор. Ее влажные глаза блестели в дымке огней приборов. Он не обращал внимание. Она поднесла согнутый указательный палец к глазам, чтобы предотвратить слезы. Меняя свою шляпу на кожаное сомбреро, он ничего не замечал. Она нажала на газ.

— Можно тебя на минутку?

— Да? — надевая перчатки, он смотрел на яркие огни башен погрузки.

— Единственное, что я хочу сказать тебе, Хейдьюк, перед тем, как уеду. На всякий случай, если вдруг мы больше не увидимся.

Он смотрел по сторонам, но только не на нее.

— Постарайся покороче.

— Ублюдок, сукин сын. Что я хочу тебе сказать, я тебя люблю, вонючий сукин сын.

— Здорово.

— Ты меня слышал?

— Да.

— Что я сказала?

— Что ты меня любишь, и я этому рад. А теперь убирайся к чертовой матери отсюда.

— Пока.

— Пока.

Глаза блеснули, она уехала. Одна, едущая по асфальтовой дороге в Кайенту, с бьющимся сердцем, ее поршни носились вверх и вниз в сумасшедшем темпе, Бонни Абцуг снова залилась сладкими слезами. Она едва видела дорогу. Попробовала включить дворники, но это слабо помогало.

В конце концов оставшись один (Господи, какое облегчение!) Хейдьюк расстегнул джинсы, и начал гордо мочиться, как жеребец, на твердой земле, все было позади, и банки пива, и бутылки с лимонадом, сминаемый алюминий и разбитое стекло, упаковки по шесть штук и забытые винные кувшины в Навахоленд, США (Господи, какое облегчение!). В этот момент он видел рассыпанные звезды в сотнях световых лет от солнечной системы, мерцающие

коротко, но смело на дрожащих осколках его золотой росы. Он подумал в этот момент о вселенской общности вещей. Как говорят колдуны, мы все на самом деле одно целое. Целое что? Да и какая разница?

Великолепие его размышлений утешило его, когда он приступил к своим одиноким и неблагодарным трудам. Возродившийся, с бензопилой в одной руке, с мешком в другой и с восьмидесятифунтовым рюкзаком за широкими плечами, Джродж В. Хейдьюк пошел вперед — непоколебимый и стойкий — в сторону лязгающих машин, с красными глазами и железными челюстями, прожекторами медные башни... Врага. Его врага? Чьего врага? Единственного врага.

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:08:02

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:08:21